

УСТАНОВЛЕНИЕ СУДОМ ИСТИНЫ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Анализ установления истины в судебном разбирательстве убеждает, что в этом процессе принимает участие ряд субъектов. Особое место в связи с принципом непосредственности занимает суд. Исследование его роли в установлении истины даст возможность уяснить его оптимальные функции, что позволит успешному разрешению уголовного дела.

Ключевые слова: суд; истина; доказательства; судебное разбирательство.

В связи с существенными изменениями в законодательстве в последнее время в теории уголовного процесса изменились многие представления, в том числе о понятии истины. Из УПК РФ исключен термин «истина», исключен и требующий установления истины принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Видимо, это позволило авторам давать различное толкование содержанию истины в уголовном процессе.

Господствующее ранее положение о том, что целью доказывания является установление объективной (материальной) истины по каждому уголовному делу, имеет место и в настоящее время [1. С. 45]. При этом под истиной понимается адекватное отражение в выводах суда того, что произошло в действительности. Выводы суда должны быть основаны на реально существующих доказательствах.

Вместе с тем появились и иные представления о содержании истины в уголовном процессе. Так, Е.А. Карякин полагает, что истиной по уголовному делу является убеждение суда, которое сформировалось на основе не исследования реально существующих доказательств, а в результате судебного разбирательства сторон [2. С. 104]. Суд в заседании не исследует доказательства; главным воздействующим на сознание судьи является не убеждающая сила доказательств, а то, что будет сказано сторонами. Другие авторы предпринимая попытку заменить категорию истины другим понятием. Так, В.А. Лазарева полагает, что «к характеру достигнутого в уголовном процессе знания более корректно применить употребляемый законом термин «доказанность» [3. С. 33]. Несомненно, доказывание имеет место в уголовном процессе, однако автор не поясняет, что имеется в виду: знания как результат доказывания либо доказывание как процесс формирования знания. Одно это уже вносит неопределенность в категорию, предлагаемую заменить понятие истины в уголовном процессе. Большую решительность проявляет Е.Б. Мизулина. Она пишет: «Постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна не только потому, что не содержит в себе ответа на вопрос, но и потому, что вообще не может быть отнесена к числу уголовно-процессуальных парадигм» [4. С. 56].

Даже краткий обзор убеждает в том, что в современной литературе отсутствует однозначное понимание истины в уголовном процессе, ее содержания. Это побуждает выразить свою позицию по анализируемому вопросу.

Как отмечалось ранее, УПК не ставит цель установления истины по каждому уголовному делу, в нем отсутствует термин «истина». Внимательное изучение УПК обнаруживает закрепление в нем двух разнонаправленных тенденций: возможность проявления в су-

дебной деятельности как объективной (материальной), так и юридической (формальной) истины. Думается, что это связано с внедрением в судебное разбирательство состязательности.

О возможности использования в итоговых судебных решениях выводов на уровне юридической (формальной) истины свидетельствуют следующие имеющиеся в УПК положения.

1. УПК РСФСР 1960 г. допускал вынесение приговора – оправдательного – на основе вывода формального уровня, но только в одном случае: при недоказанности обвинения при соблюдении крайне важного требования – если суд исчерпал все возможности для продолжения доказывания. В новом УПК аналогичного требования нет, в нем содержится несколько иная формулировка: в пользу обвиняемого толкуются все сомнения в виновности, которые не могут быть устранены в установленном УПК порядке (ч. 3 ст. 14). Установленный же порядок не закрепляет обязанность суда устранить сомнения. И такое положение согласуется с состязательностью: суд вправе ограничиться исследованием только представленных сторонами доказательств и, даже признав совокупность доказательств обвинения недостаточной, вынести оправдательный приговор.

2. В действующем УПК РФ, как отмечалось, принцип всесторонности, полноты исключен. В соответствии с этим односторонность и неполнота установления обстоятельств дела исключены из состава оснований отмены приговоров в кассационной и надзорной инстанциях.

3. Согласно УПК РСФСР 1960 г. суд при постановлении приговора должен был иметь полную доказательственную базу. Если она была недостаточно полной, суд был обязан восполнить недостающие доказательства. Осуществлялось это двумя способами:

- а) возвращением дела на дополнительное расследование;
- б) самостоятельным собиранием судом недостающих доказательств.

С принятием нового УПК РФ положение сильно изменилось. Институт возвращения дел на дополнительное расследование вообще упразднен. Созданный вместо него институт возвращения дела судом прокурору такого основания, как неполнота доказательственного материала, не содержит (ст. 237 УПК РФ).

Суд сам вправе дополнить в судебном заседании отдельные доказательства (ст. 286–289 УПК РФ). Однако, во-первых, перечень таких действий суда весьма ограничен; во-вторых, это право, но не обязанность суда. Следовательно, опять-таки согласно положениям состязательности суд может ограничиться только представленными сторонами доказательствами и даже при их неполноте вынести приговор (оправдательный).

Главы 40 и 40-1 УПК РФ вводят новый институт: особый порядок судебного разбирательства. Главная его особенность – возможность принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при соглашении сделки о сотрудничестве без судебного разбирательства (точнее – без исследования доказательств в судебном следствии). Анализируемый институт включает ряд необычных положений: возможность проверки доказательств судом только посредством изучения письменных материалов представленного исследователем уголовного дела, без непосредственного исследования судом доказательств (судебное следствие отсутствует) – ч. 1 и 2 ст. 316 УПК РФ; недопустимость обжалования приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела (ст. 317 УПК РФ).

Все перечисленные положения, как думается, прямо свидетельствуют о том, что УПК РФ допускает вынесение даже обвинительного приговора на основе не материальной, а формальной истины.

В то же время анализ УПК РФ обнаруживает закрепленное в нем и другое направление – необходимость достижения объективной (материальной) истины. В этом убеждают следующие положения нового УПК РФ.

1. Часть 4 ст. 14 УПК РФ предписывает: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». Здесь, хотя без использования соответствующих терминов, прямо выражена необходимость основывать обвинительные приговоры только на объективной истине.

2. Согласно ст. 297 УПК РФ все приговоры должны быть не только законными, но и обоснованными. Обоснованность же понимается как истинность в материальном смысле – иначе не было бы необходимости отделять ее от законности.

3. В соответствии с ч. 3 ст. 305 и ч. 2 ст. 307 УПК РФ выводы суда как о виновности (в обвинительных приговорах), так и о невиновности (в оправдательных приговорах) должны быть основаны на доказательствах.

Думается, что анализируемые положения убеждают в том, что в УПК РФ необходимость достижения объективной истины закреплена. Но, как отмечалась ранее, в УПК РФ закреплена и ситуация, в условиях которой допускается вынесение приговоров – даже обвинительных – на основе формальной истины. В этом усматривается одно из противоречий действующего УПК РФ: не закрепляя цели достижения объективной истины, он требует достижения объективной истины в одних случаях и в то же время допускает вынесение даже обвинительных приговоров без ее достижения. Данное противоречие, на мой взгляд, в ряде случаев способно негативно повлиять на достижение поставленных перед уголовным процессом задач.

Представляется, что такое состояние УПК РФ нежелательно. В нем должна господствовать одна тенденция – достижение объективной истины. Главным в сфере уголовного судопроизводства, где решается вопрос о наиболее значимых для людей ценностях, должно быть достижение объективной истины во всех случаях вынесения судом итоговых решений. Без адекватного отражения в выводах суда того, что произошло, невозможно правильно применить норму уголовного права и тем

самым выполнить основное назначение уголовного судопроизводства. Поэтому верным и для нашего времени следует признать высказанное ранее М.С. Строговичем положение: «Чтобы правильно разрешить дело, необходимо установить, найти по делу истину – объективную, материальную истину» [5. Т. 1. С. 295].

При этом требуется ввести одно уточнение. В практике подчас возникают ситуации, в условиях которых, несмотря на все предпринимаемые усилия, объективную истину установить не удается. В таких случаях, используя презумпцию невиновности, приходится выносить оправдательный приговор, хотя сомнения в виновности подсудимого остаются. Здесь в основе приговора будет лежать предположительный вывод – формальная истина (С.А. Шейфер по примеру других авторов называет ее конвенциональной истиной [1. С. 40]). Следовательно, без формальной истины иногда не обойтись. Однако такие ситуации должны быть исключением (и в практике они возникают редко). Общим же должно быть одно правило: приговоры должны быть основаны на объективной истине (обвинительные приговоры – всегда, в том числе и при благоприятной для следователя и суда позиции обвиняемого).

Установление истины на предварительном расследовании в литературе не дискутируется. Однако вопрос об истине в судебном разбирательстве в настоящее время стал остро дискуссионным. Опубликован ряд работ, авторы которых иначе представляют и содержание судебной истины, и процесс ее формирования.

Наиболее радикальным в сфере доказывания является утверждение А.С. Александрова о том, что можно отказаться от понятия объективной истины, заменив его убеждением судьи, сформировавшимся по уголовному делу. При этом, что представляется крайне важным, средством формирования убеждения должно быть судоговорение [6. С. 17].

Положения А.С. Александрова разделяются и развиваются другими авторами научных работ. Показательной в этом смысле является монография Е.А. Карякина. По его мнению, весь процесс доказывания по уголовному делу делится на два этапа.

Первый этап – предварительное расследование. Этот этап Е.А. Карякин считает первичным, основным, приоритетным, поскольку здесь собираются доказательства, проверяются, оцениваются органами расследования и представляются ими суду [2. С. 94].

Второй этап – доказывание в суде. Его основу, как пишет Е.А. Карякин, «составляет процесс обоснования тезиса, осуществляемый посредством логической аргументации». Судебное доказывание, продолжает автор, «следует рассматривать как деятельность участников доказывания в судебном разбирательстве, заключающуюся: 1) в понимании сути уголовно-правового спора; 2) разъяснении своих позиций по делу; 3) аргументации приведенных доводов; 4) обосновании предельного решения по делу; 5) формировании внутреннего убеждения суда по делу» [2. С. 104]. Как видно, во всех пяти пунктах непосредственное исследование доказательств не предусматривается, имеют место лишь логические операции.

Судебное доказывание Е.А. Карякин не считает приоритетным, поскольку здесь суд не собирает дока-

зательства (хотя такую возможность автор допускает), не исследует их самостоятельно и непосредственно.

Изложенное убеждает, что позиция Е.А. Карякина, несмотря на отдельные, в основном терминологические отличия, совпадает с мнением А.С. Александрова. У обоих авторов цель судебного доказывания – формирование сторонами внутреннего убеждения судьи; средством ее достижения является осуществляемая сторонами логическая аргументация (у А.С. Александрова – судоговорение).

Иными словами, сущность позиции А.С. Александрова и Е.А. Карякина можно сформулировать следующим образом. Доказательства полностью формируются на стадии предварительного расследования, поэтому здесь имеет место полнообъемное (приоритетное) познание. В судебном же заседании сторонами осуществляется убеждение суда с помощью уже вполне сформированных ранее доказательств (т.е. происходит логическое оперирование доказательствами как аргументами).

Думается, что развиваемая А.С. Александровым и его сторонниками позиция страдает существенными недостатками. Суть их в следующем.

Во-первых, формирование истины в суде полностью уводится в сферу субъективного, поскольку суд формирует свое убеждение не на реальных доказательствах, а на их содержании, изложенном для суда сторонами, путем судоговорения, как пишет А.С. Александров. В результате этого теряется объективный критерий определения кем-либо (в том числе судом вышестоящей инстанции) наличия или отсутствия в выводах суда истины.

Во-вторых, в развиваемых взглядах суд теряет качество самостоятельного субъекта полноценного доказывания. Е.А. Карякин пишет, что «судебное доказывание по своей структуре состоит из доказательственной деятельности сторон и арбитражной деятельности суда, разрешающего уголовно-правовой спор» [2. С. 104]. Как видно, суд к субъектам доказательственной деятельности не отнесен, ему отводится лишь арбитражная роль.

В-третьих, предлагаемая концепция значительно умаляет независимость суда. А.А. Зашляпин справедливо отмечает, что конституционная независимость суда проявляется «в том числе от сторон и представленных ими доказательств, подразумевая самостоятельность и непосредственность познания фактических обстоятельств рассматриваемого события» [7. С. 58–59].

В-четвертых, в анализируемой позиции искажается содержание доказательственной деятельности в судебном разбирательстве, поскольку в нее включаются только логические операции (логическая аргументация, по выражению Е.А. Карякина). Конечно, логические операции входят в содержание доказывания в суде, но не исчерпывают его, являются лишь его частью. В процесс доказывания, как известно, входит и иная доказательственная деятельность, однако ее наличие в судебном доказывании Е.А. Карякиным исключается. Именно поэтому по сравнению со следственным познанием судебное признается неприоритетным и представляется как продолжение следственного познания, но иного рода – только как обоснование тезисов сторон путем логических операций, формирующее убеждение суда.

Представляется, что вряд ли это верно. Несомненно, суд выполняет арбитражную функцию путем разрешения уголовного дела. Но прежде чем сделать это, судья должен сформировать свое внутреннее убеждение. Базой для него, по мнению А.С. Александрова и Е.А. Карякина, служат аргументы сторон. Конечно, они влияют на сознание судьи. Однако аргументы сторон – это лишь интерпретация доказательств, представления сторон о них (причем каждая сторона толкует доказательства по-своему). Если ограничить судебное доказывание аргументацией, то единственным фактором, который будет формировать судебское убеждение, станет интерпретация доказательств сторонами, сами же доказательства, в их непосредственном виде, будут уведены от суда. С таким положением согласиться весьма трудно. Главным в воздействии на сознание судьи должны быть не излагаемые суду представления сторон о доказательствах, а сами доказательства, их убеждающая сила. Для достижения этого необходимо, чтобы суд, выслушав стороны, самостоятельно исследовал доказательства. Но это будет не повторением уже проделанной следователем работы, как это может внешне показаться. Доказывание в суде, несмотря на внешнее сходство с доказыванием следователем, осуществляется судом на новой, иной, нежели на расследовании, основе, в иных условиях, которых нет у следователя. В правильности такого положения убеждают следующие соображения.

Позиция А.С. Александрова и Е.А. Карякина была бы верна при одном условии – если следователь и судья будут использовать одни и те же доказательства, равные по содержанию и ценности (качествам). В такой ситуации выводы суда всегда будут совпадать с выводами следователя, поэтому отпадет необходимость устанавливать в суде истину заново, повторять исследование доказательств, уже проведенное следователем. У суда останется лишь одна задача – убедиться в истинности выводов следователя. Успешно решить эту задачу можно путем осуществляемой сторонами логической аргументации, как это и предлагается А.С. Александровым и его сторонниками. Однако, как думается, вышеназванное условие отсутствует, в действительности имеет место иная ситуация.

Во-первых, в суде могут появиться новые доказательства (такую возможность не отрицает и Е.А. Карякин). Во-вторых, и это представляется главным, следователь и суд используют не одинаковые, а разные по ценности доказательства. Чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать процесс формирования доказательств на предварительном расследовании и в суде.

Формирование доказательств начинается в процессе расследования преступления. Ценность каждого доказательства определяется наличием у него трех качеств: относимости, допустимости и достоверности содержания. Определить относимость и допустимость доказательств следователь вполне способен. Что касается достоверности, то возможности ее установления органом расследования ограничены. В силу своей специфики предварительное расследование включает, а с другой стороны, исключает ряд факторов, которые затрудняют полноценное восприятие, проверку и оценку дос-

товерности содержания доказательств. Имеется в виду следующее.

1. Давно доказано, что без действия непосредственности восприятие и проверка доказательств являются неполноценными, допускающими возможность искажения содержания доказательств [8]. К уже имеющимся в литературе аргументам следует добавить, что Федеральный закон № 433-ФЗ лишил кассацию полномочий по проверке фактической части содержания приговора в связи с отсутствием у кассации возможности непосредственного исследования доказательств. Этим самым законодатель еще раз подчеркнул необходимость действия непосредственности для качественных восприятия, проверки и оценки доказательств.

Между тем принцип непосредственности законом закреплен только для судебного разбирательства. На предварительном расследовании он не обязателен, а если действует, то далеко не всегда и не в полном объеме.

2. Следователь выполняет функцию обвинения (уголовного преследования). Обвинительный «заряд» уже формируется в момент возбуждения уголовного дела и присутствует до завершения расследования. УПК РФ не требует от следователя собирать оправдательные доказательства (наглядным примером тому служит п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ). Поэтому следователь, работая в основном с обвинительными доказательствами, не всегда в состоянии восстановить всесторонне и полно картину происшедшего. Такое положение следователя не может не влиять ущербно на качество проверки и оценки доказательств – побуждает в большей мере видеть в каждом доказательстве обвинительную окраску.

Кроме того, показателем качества работы следователя является так называемая «судебная перспектива» – доведение уголовного дела до суда с последующим вынесением обвинительного приговора. Это, как и предыдущее, способствует формированию у следователя обвинительного уклона, что способно негативно отразиться на проверке и оценке им доказательств.

3. Обязательным средством для качественной проверки доказательств является состязательность, в условиях которой каждое доказательство проверяется перекрестно, с позиций разных сторон. Однако состязательность опять-таки имеет место только в судебном разбирательстве, на расследовании она практически полностью отсутствует.

4. Следователь вправе широко использовать результаты оперативно-розыскной деятельности. Если бы следователь мог проверить их достоверность, то ничего негативного бы не было – имеющиеся в них дефекты были бы устранены. Однако результаты оперативно-розыскной деятельности возможности проверки их следователем не имеют. Хотя они для следователя являются вспомогательными, но, попадая в сознание следователя вместе с возможно содержащимися в их содержании дефектами, способны негативно повлиять на формирование следователем содержания доказательств.

Перечисленные обстоятельства типичны для расследования, они порождены спецификой данной деятельности. Их наличие позволяет сделать следующий вывод: в силу своей специфики предварительное рас-

следование не содержит всех гарантий, необходимых для полного установления достоверности доказательств во всех случаях. С учетом изложенного весьма плодотворной представляется позиция И.Б. Михайловской, которая различает доказательства следственные и судебные. Следственные доказательства в связи с отмеченной выше спецификой расследования не могут считаться ценными в полном объеме, поскольку нельзя признать завершенным формирование их достоверности. Формирование ценности следственных доказательств должно быть продолжено и завершено в судебном разбирательстве. И.Б. Михайловская справедливо отмечает, что «исследование судом доказательств, собранных на предварительном расследовании, как бы “надстраивает” их процессуальную форму, придает им более высокий юридический статус (выделено мной. – М.С.) и этим превращает следственные доказательства в судебные [9. С. 39]. Аналогичное мнение высказано и А.В. Победкиным [10. С. 219–220].

Значит, на предварительном расследовании формирование ценности (всех качеств) доказательств не заканчивается (в связи с чем истину следователя допустимо признать как вероятную). Для завершения формирования ценности доказательств необходимо продолжить работу с ними (по выражению И.Б. Михайловской, придать им более высокий статус). Продолжение нужно осуществлять на иной основе, содержащей все гарантии, необходимые для полноценной проверки и оценки доказательств. Такая основа имеется только в судебном разбирательстве. Лишь там созданы все условия для действия непосредственности, состязательности, для исключения факторов, формирующих какой-либо уклон в оценке доказательств.

Таким образом, думается, есть все основания сформулировать следующий вывод.

Для формирования судебного убеждения по уголовному делу одного воздействия судебного разбирательства (изложения судом сторонами содержания доказательств и аргументация ими) недостаточно. Суд, формируя свое убеждение, должен дополнять мнение сторон самостоятельным непосредственным исследованием доказательств. Именно убеждающая сила самих доказательств должна быть главной в судебном убеждении. Поэтому суд не должен выполнять только арбитражную роль – выносить приговор лишь на основе изложенного для него сторонами содержания доказательств; он сам должен быть непосредственным и активным участником доказывания в судебном разбирательстве.

Однако в состоянии ли суд успешно исполнить эту роль, будучи в положении, определенном ему УПК РФ?

Уже отмечалось, что УПК РФ не нацеливает суд на установление объективной истины (термин «истина» из УПК РФ исключен; исключено и требование всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела). Более того, гл. 40 и 40-1 позволяют суду вынести обвинительный приговор лишь на основании материалов следователя, без самостоятельного исследования доказательств. Определяя роль председательствующего судьи, ст. 243 УПК РФ закрепляет лишь его организационные полномочия, не предусматривая необходимость его участия в исследовании доказательств. За-

крепляя в качестве задачи суда разрешение дела, УПК РФ не связывает это с самостоятельным исследованием судом доказательств – согласно ст. 15 суд лишь «создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав». УПК РФ значительно ограничивает суд в возможности самостоятельного собирания доказательств, разрешая ему без ходатайств сторон производство лишь некоторых действий – допрос эксперта, производство экспертизы, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания и освидетельствование (ст. 282, 283, 287, 288, 289, 290 УПК РФ). Вызвать же, например, дополнительного свидетеля сам суд не может. Причем, как показывает изучение практики, разрешенные суду действия в условиях судебного заседания трудновыполнимы (хотя бы в связи со значительной отдаленностью во времени от совершения преступления). И это сделано не случайно – согласно состязательной идеологии УПК РФ ноша по собиранию доказательств возлагается на стороны.

Таким образом, возможности суда в доказывании УПК РФ серьезно ограничил.

Между тем в УПК РФ есть и другое. Ст. 240 УПК РФ требует от суда непосредственного исследования всех представленных доказательств. Ч. 1 ст. 297 УПК РФ закрепляет: приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Это означает, что ответственность за содержание приговора, все его качества в полном объеме возлагается на суд.

Здесь опять-таки можно усмотреть непоследовательность УПК РФ, отсутствие единой линии: УПК РФ возлагает всю полноту ответственности за содержание приговора на суд, в то же время не предоставляя ему всех необходимых для формирования содержания приговора средств – возможности самостоятельного активного участия в доказывании (т.е. в установлении истины).

Отмеченная непоследовательность будет устранена, если стороны будут работать доброкачественно, соберут суммарно все необходимые доказательства и представят их суду. Суд же самостоятельно исследует все представленные доказательства (но не только выслушав их содержание от сторон), сможет установить истину и вынести отвечающий всем требованиям приговор.

Однако ситуация существенно изменится, если стороны представят в суд доказательства не в полном объеме и это обнаружится в судебном разбирательстве. Кто и как будет восполнять недостающие доказательства? Суд такой возможности лишен. Не смогут этого сделать и стороны – после передачи дела в суд производство следственных действий запрещено; институт возвращения дела на доследование сейчас законом не предусмотрен. Правда, согласно с ч. 1 ст. 253 суд вправе отложить судебное разбирательство для истребования новых доказательств. Однако пользоваться ст. 253 весьма затруднительно: во-первых, стороны по каким-то причинам могут не заявить ходатайства о дополнении доказательств; во-вторых, для собирания многих доказательств требуется их розыск (например, местонахождение свидетеля, вещественного доказательства или документа), что в условиях судебного разбиратель-

ства практически невозможно. Председатель Томского областного суда А.А. Кайгородов отмечает, что основными причинами отложения судебного разбирательства являются: неявка свидетелей, защитников, государственных обвинителей, неисполнение решений о приводе, неэтапирование, болезнь подсудимого, производство экспертизы. Лишь в некоторых случаях суд допрашивал (по ходатайству сторон) дополнительных свидетелей, истребовал документы, назначал экспертизы, при этом «решал другие вопросы, входящие в прямую обязанность следственных органов» [11. С. 149, 152]. Приведенные данные подтверждают, что суд, даже используя ст. 253 УПК РФ, не может в полном объеме восполнить недостающие доказательства, если он не будет заниматься работой следственных органов, что для суда недопустимо. Значит, и применение ст. 253 УПК РФ не помогает (если и помогает, то далеко не всегда) восполнить недостающие доказательства. При такой ситуации – неполноте доказательственной базы – создается весьма затруднительное положение – и прежде всего для суда, ведь ему в любом случае необходимо вынести приговор.

Возможны различные варианты выхода из отмеченной проблемной ситуации.

Самый легкий – суд не предпринимает активности в восполнении недостающих обвинительных доказательств (а именно такой недостаток чаще всего встречается) и выносит оправдательный приговор, используя правило: «недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности». Но этот вариант страдает серьезными недостатками. Во-первых, он допускает довольно широкое использование формальной истины, что, как отмечалось ранее, в российском уголовном процессе явно нецелесообразно. Во-вторых, по существу будет нарушена презумпция невиновности, согласно которой сомнения толкуются в пользу обвиняемого, если они неустранимы. Здесь же никаких мер для устранения сомнений не предпринималось. В-третьих – это представляется более существенным – вследствие некачественной работы обвинительной власти окажется без судебной защиты потерпевший, что будет явной несправедливостью и к тому же нарушением ст. 6 УПК РФ.

Второй вариант – предоставить суду право самостоятельно восполнять любые недостающие доказательства. Такое предложение вносит С.А. Шейфер [1. С. 30–31]. Аналогичное мнение обосновывают и А.В. Кудрявцева, В.Л. Сысков [12. С. 44]. На первый взгляд, данные пожелания привлекательны, их реализация позволит суду выносить в любой ситуации обоснованные приговоры. Однако и здесь обнаруживается слабая сторона: суд будет продолжать деятельность сторон (главным образом обвинителя), действовать наравне с ними. Втягиваясь невольно таким образом в состязание, суд может лишиться одного из своих главнейших качеств – объективности, что способно стать почвой для появления у суда обвинительного уклона. Думается, что такие опасения не беспочвенны.

Предлагается и третий – компромиссный – вариант. Отстаивая необходимость обеспечивать объективность суда, Л.А. Зашляпин в то же время полагает возможным предоставить суду право восполнять активность

только одной стороны – «слабой»: защите во всех случаях и обвинению, когда эта сторона представлена невластным участником – потерпевшим, гражданским истцом без участия с их стороны профессионального адвоката. Что касается профессиональных участников обвинения, то восполнение судом их активности автор считает недопустимым «Никакие судебные действия следственного характера, – пишет Л.А. Зашляпин, – в этом случае невозможны. Все недостатки деятельности профессионального обвинителя должны повлечь толкование ситуации в пользу подсудимого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ)» [7. С. 70]. Думается, что данный вариант более мягкий, но все же он не лишен недостатков, присущих первому варианту, поскольку чаще всего недостатки проявляются в массиве обвинительных доказательств.

Таким образом, все анализируемые варианты в полном объеме вряд ли приемлемы. Представляется более правильным следующее.

Учитывая традиции российского уголовного процесса, вряд ли следует стремиться к созданию в современных условиях классической полнообъемной модели состязательного процесса. Суд как единственный отвечающий за приговор субъект должен влиять на формирование необходимой для вынесения приговора доказательственной базы, а не быть почти полностью зависим в этом деле от сторон.

Однако повышать воздействие суда на формирование доказательственной базы следует так, чтобы не допустить утрату судом объективности. Последняя в значительной мере обеспечивается отстраненностью суда от интересов сторон. Это закреплено ст. 15 УПК РФ правило необходимо сохранить. Следует категорически отказаться от практики УПК РСФСР 1960 г., в условиях которой суд, сам восполняя недостающие доказательства, обязан был продолжать работу следователя. Исходя из этой практики, показавшей свою несостоятельность, нельзя допускать, чтобы суд сам собирал недостающие доказательства, тем самым про-

должая работу сторон, своевременно ими не сделанную либо сделанную некачественно. Стороны сами должны исправить недостатки своей работы. Суд же, обнаружив перед вынесением приговора недостаток доказательств и отсутствие инициативы сторон в дополнении, должен иметь возможность воздействовать на стороны, побудив их восполнить недостающие доказательства. Действующий УПК РФ такой возможности не закрепляет, она же, думается, суду необходима.

Таким образом, необходимость обеспечения установления нужной для вынесения приговора объективной истины и тем самым достижения большей полноты выполнения задач уголовного процесса требует повышения активности суда в получении доказательств. Но активность необходима не для самостоятельного собирания судом доказательств, а для воздействия на стороны с целью побудить их восполнить недостающие доказательства.

Достичь этого можно путем предоставления суду права возвращать дело на доследование для получения доказательств, требующего производства следственных действий. Частично такое уже сделано внесением ряда поправок в ст. 237 УПК РФ, требуется лишь завершение начатого. Причем речь идет не о возврате действующего ранее института возвращения дел на дополнительное расследование, где содержался порочащий весь институт элемент: необходимость дособирать доказательства судом, если у него такая возможность имеется, т.е. продолжить работу следователя. Праву суда вернуть дело на доследование ни при каких условиях не должна корреспондировать обязанность суда самому собирать недостающие доказательства. Доказательства должны собираться только сторонами. Именно так, думается, можно добиться отстраненности суда от интересов сторон и тем самым обеспечить его объективность. И если допустить возможность самостоятельного собирания доказательств судом, то с единственной целью – для проверки тех доказательств, которые ему (суду) представлены сторонами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовному делу. М. : Норма, 2008. 240 с.
2. Карякин Е.А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М. : Юрлитинформ, 2009. 296 с.
3. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе : учеб. пособие. Самара : Самарский университет, 2007. 303 с.
4. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. 251 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.
6. Александров А.С. Духless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 15–21.
7. Зашляпин Л.А. Судебные действия следственного характера как научная метафора. М. : Юрлитинформ, 2011. 320 с.
8. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Академии наук, 1949. 208 с.
9. Михайловская И.Б. Соотношение следственных и судебных доказательств // Государство и право. 2008. № 4. С. 34–40.
10. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М. : Юрлитинформ, 2009. 416 с.
11. Кайгородов А.А. Анализ причин отложения и приостановления рассмотрения уголовных дел // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Ч. 51. 204 с.
12. Кудрявцева А.В. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2007. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2011 г.